

Б.И.Коваль

Социальное неравенство как один из факторов конфликтности

Латиноамериканский ракурс

В статье рассматривается проблема социального неравенства как одного из главных источников конфликтности в обществе, в том числе в Латинской Америке.

Ключевые слова: социальное неравенство, конфликт, несправедливость, распределение национального дохода, бедность.

ЗАМЫСЕЛ

Научно-практическое содержание современной политологии постоянно обогащается новыми идеями и концепциями. Кажется, что все более или менее серьезные вопросы уже выяснены. Остается лишь перевести теорию в практику. Просто и понятно. Но тут-то нас и ожидают почти непреодолимые препятствия. Даже самые блестящие идеи не желают оставлять зону высокой абстракции и спускаться в реальный хаос бесконечных баталий и капризов многочисленных субъектов жизни общества. В этих условиях стратегический курс гуманитарных наук включает в себя не только объяснение причин и характера социальных конфликтов, но и поиск эффективных путей и средств их преодоления и недопущения в будущем.

Рыцарские бои со смертельным исходом не канули в Лету, а происходят и сегодня, в том числе в государственных масштабах, в противоборстве целых цивилизаций. Нередко они оправдываются лицемерными возгласами о защите «национальной чести» и заботе о восстановлении «исторической справедливости». Находятся и более изощренные псевдоаргументы. Радикалы всех мастей полагают, что без насилия человечество нельзя

Борис Иосифович Коваль — доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИЛА РАН (t.b.koval@yandex.ru).

привести к всеобщему счастью. При таком раскладе конфронтации, конфликты и даже войны представляются вполне полезными факторами прогресса. Действительно, лить «крокодиловы слезы» по этому поводу бесполезно: стенаниями кровопролитие не остановить.

Столкновения различных интересов — вполне обыденное, привычное и нормальное явление. Стички происходят постоянно и на всех уровнях: в семье, между супругами и поколениями, между друзьями, между странами и цивилизациями, между религиями, в науке, культуре — везде, где действует живая человеческая энергия. Рассмотрим несколько основных теоретических аспектов социального неравенства и возможные пути снижения остроты конфликтности.

Традиционный подход к теме исходит из предположения, что каждый участник схватки желает достичь полной победы. Самым простым вариантом является дуэль двух субъектов, так сказать, с «нулевой суммой», когда один может выиграть только то, что теряет другой. Дело обстоит сложнее, если игроков трое или больше. Еще запутаннее ситуация становится, когда кто-то из участников меняет тактику или неожиданно возникают непредвиденные обстоятельства. Поэтому в теории приходится умышленно упрощать реальную картину событий, беря в расчет лишь некоторые базовые факторы. Мы по привычке именуем их «объективными», приписывая им статус некой самостоятельной силы, которая, собственно говоря, и определяет весь ход истории. При этом невольно забываем, что многие из этих условий (за исключением природных) являются всего лишь *текущими воплощениями живой человеческой энергии*.

Вместе с тем никоим образом нельзя игнорировать роль внеполитических поведенческих действий. Большинство из них вообще никак не связаны с политикой и наполнены только своими *экзистенциальными смыслами*: бытовым, хозяйственно-экономическим, физическим, духовным, религиозным, сексуальным, нравственным, психическим, творческим — всем, чем наполнена повседневная жизнь. Однако им искусственно придают политический смысл. Чтобы не путаться в определении характера конкретного конфликта, необходимо предварительно определиться с основными *качественными* критериями анализа. Что, собственно говоря, мы хотим выяснить? Как представляем себе рамки и методы исследования? От этого выбора зависит смысл и результат раздумий.

Конфликт конфликту рознь, мерить всех одним аршином нельзя, ведь у каждого свое лицо, свой характер, даже у самых, казалось бы, однотипных и похожих. Мы не в состоянии охватить, понять и хотя бы перечислить все тонкие и неуловимые интересы действующих лиц. Мы говорим о *человеческих* конфликтах, хотя они нередко и принимают «нечеловеческие», зверские формы. Их характер может быть доброкачественным или злокачественным. В первом случае усилия направлены против наличного или ожидаемого зла. Во втором — призваны отстоять его или утвердить под видом добра «новое» зло. Даже при условии справедливого разрешения противоречий возможен новый взрыв страстей и негодования, новый конфликт. Как деструктивность переплетается в этом сумбуре с конструктивностью сказать трудно: каких-либо универсальных законов нет. Все зависит от нашей субъективной оценки. Она может строиться либо на политических

или экономических критериях, либо на нравственных основаниях. Впрочем, без морали всякое ценностное суждение вообще невозможно.

Под конфликтом я понимаю не любое открытое или скрытое столкновение разных энергий и тем более не случайный сбой нормального хода жизни. Социальный конфликт всегда имеет *доконфликтную* причину. Чтобы докопаться до сути острого противостояния, следует глубоко погрузиться в прошлое, чтобы не ошибиться в понимании причин и поводов возникшей схватки, а главное — в оценке ее возможных результатов и значений. Конфликты бывают краткими, но полезными, несмотря на таящуюся в них опасность. И наоборот, длительными, бессмысленными и утомительными. Они истощают силы борцов, но толком так ничем и не завершаются. Одним словом, следует отличать зарождение и развитие самого конфликта от его влияния на генезис будущей социальной нестабильности. Наличная несправедливость порождает конфликт, а он — новую возможность нестабильности. Формируется порочный круг. Конфликты нередко приобретают насильственные формы: войны, восстания, революции. К счастью, бывают и «мирные» столкновения, которые обходятся без крови и смертоубийства.

Если оценивать действия человека, то в чрезвычайных ситуациях увеличивается объем иррациональной энергии — интуиции, психического напряжения, случайной импровизации, бесшабашной отваги и т.д. Рационально осмыслить и разложить эту ситуацию по полочкам практически невозможно. Приходится домысливать, строить предположения, прибегать к вариативному рассуждению и т.п. Здравый смысл подсказывает, что в этом вопросе мы не можем рассчитывать на единственное верное объяснение, а значит нам остается довольствоваться лишь эластичным и неоднозначным отвлеченным обобщением. Само это суждение может показаться нам удачей, но на деле оно нередко является трусливым бегством от запутанной реальности.

Тайна политической жизни так глубоко запрятана, а люди столь умело извращают факты, что понять истинные причины и суть конфликта часто бывает крайне сложно. Теоретические абстракции и символы напоминают цирковое жонглирование булавами. Кажется, что их много, и что летают они сами по себе, а не по воле и расчету талантливых политических артистов. Прав был Никколо Макиавелли, когда говорил, что опытный и хитрый политик отличается от простых смертных тем, что «уже давно не говорит того, что думает, и не думает того, что говорит, а если ему иногда случается сказать правду, он ее заключает в такое количество лжи, что ее и обнаружить трудно»¹.

Политический конфликт всегда окутан плотной дымовой завесой обмана и дезориентации. Эти орудия берут на вооружение все участники баталий, которые редко бывают равны по своей силе, авторитету и уму. Тот, кто имеет качественное преимущество, тот чаще всего, хотя и не всегда, побеждает. Конфликт — не статика, а динамика. Все в нем дышит и изменяется. Внести в него рациональный порядок крайне трудно, ибо нормы поведения, как правило, нарушаются. А если они соблюдаются, то это не конфликт, а простая перебранка или каприз на фоне нормального и устойчивого существования.

Без конфликта нет и развития. Хотя наша «моральная натура» часто не хочет признавать это обстоятельство. Она желает спокойствия и умиротворения. Трудно понять, что конфликт — это одновременно и добро, и зло в

зависимости от того, с какого угла на него смотреть. Победа одного всегда есть поражение другого. Ограничиться рассмотрением лишь одной стороны, например, конструктивной и проигнорировать деструктивную изнанку значит оказаться в плену собственных предубеждений и политических предпочтений. А это уже не наука, которая ищет истину и бежит от всякой предвзятости. При этом самому «оценщику» конфликта предстоит решать, что есть позитив, а что негатив.

ПЕРЕХОД ОТ ОБЩЕЙ АБСТРАКЦИИ К ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

А теперь спустимся с облаков абстрактного тумана на землю, конкретно — на латиноамериканскую. «Континентальный взгляд», конечно, останется абстракцией, но все же более приближен к конкретике. Наиболее распространенным и сильным источником психического раздражения и агрессивности является разница в доходах и условиях жизни. Этот фактор действует неумолимо и просто. Материальная бедность сразу же бросается в глаза, а богатство раздражает своей нескромностью. Духовное и культурное различие также порождает конфликты, но действует исподтишка, прячась в скорлупе общего жизнеустройства, часто при этом гнилого и червивого.

Обратимся к базовому показателю глубинной социальной конфликтности, а именно — масштабу неравенства в распределении собственности и денежного дохода. Разнообразный статистический материал по этой проблеме содержится в многочисленных официальных ежегодных отчетах и специализированных докладах международных научных центров. Чтобы не перегружать статью цифрами, ограничусь материалами недавнего исследования «Социальный конфликт в Латинской Америке»².

По поручению ООН большой коллектив специалистов под руководством боливийского исследователя Фернандо Кальдерона Гутьерреса в течение нескольких лет изучал эту проблему. Общий вывод состоит в том, что общие характеристики бедности и нищеты за последние годы *не претерпели принципиальных изменений*. Из 18 стран мира, в которых уровень неравенства особенно высок, 11 находятся в Латинской Америке.

ДИНАМИКА БЕДНОСТИ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Годы	Млн человек		%	
	Бедное население	В том числе нищие	Бедное население	В том числе нищие
1980	136	62	40,5	18,6
1990	200	93	48,3	22,5
2002	221	97	44,0	19,4
2010	180	72	32,1	12,9

Источник: Understanding Social Conflict in Latin America. UNDP Report. United Nations Development Programme. Buenos Aires, 2013, p. 113—114.

Несмотря на существенные улучшения (сокращение доли бедных и нищих с 40,5% до 32%) сохраняется огромная диспропорция. Самое печальное в том, что за истекшие 30 лет общая масса бедных в Латинской Америке выросла на 44 млн человек — с 136 до 180 млн.

Можно сказать, что характер бедности сегодня выглядит не столь страшно, как прежде: вырос общий уровень жизни, улучшилась ситуация с водоснабжением и электрификацией окраин и т.п. Вместе с тем характер и острота социальных противоречий никуда не делись: они и сегодня делят общество на небольшую кучку богатых «счастливицев» и огромную массу «страдальцев». Это не может не сказаться на уровне социальной неудовлетворенности. Несмотря на улучшение качества жизни, психическое и моральное раздражение и обида обострились. Неравенство стало ощущаться болезненнее.

Это чувство пока таится и не выходит наружу в виде мощного социального протестного движения. Бунтуют лишь представители низших и самых отсталых слоев из среды афролатиноамериканцев, индейцев, безработных. Средние слои и занятое пролетарское население, кажется, более или менее приспособились к ситуации. Во всяком случае они пока не настроены на активный протест. Во многом это связано с резким понижением организованности трудовых слоев, кризисом коммунистического и профсоюзного движений, ростом так называемой рабочей аристократии. Такое положение вещей, однако, может довольно быстро измениться в случае экономического или политического кризиса — тогда на сцену вновь выйдут широкие слои недовольных масс. Уже сейчас налицо сдвиг в сторону радикализма, но, как правило, не «левого», а правого толка. Заметнее стала разница между Латинской Америкой и развитыми странами. Данные Всемирного банка о годовом доходе на душу населения в долларах в 2013 г. выглядели следующим образом³. В первой группе: США (51,451), Германия (42,045), Великобритания (35,041), Франция (35,969), Италия (32,929), Испания (30,892). В Латинской Америке: Чили (21,714), Мексика (16,291), Венесуэла (17,615), Бразилия (14,555), Боливия (5,934), Гондурас (4,445). Для сравнения в России — 23,564 долл.

Даже в Чили среднедушевой доход (самый высокий на континенте) в 2,5 раза меньше показателя по США. Бразилия отстает от Испании более чем в два раза, а от США — почти в четыре раза. В Гондурасе средний годовой доход жителей в десять раз меньше, чем в Германии. Мы вынуждены принять этот разрыв как объективную данность. «Уравнять» всех по единой шкале не представляется возможным, но при этом каждое государство, безусловно, имеет возможность при желании и правильном подходе улучшить свое положение.

Особенно остро, как и прежде, социальное неравенство свирепствует внутри государств. Подсчеты свидетельствуют о том, что 20% самых обеспеченных слоев в Латинской Америке получают до 60% общего национального дохода. На долю самых бедных групп приходится всего около 3%⁴. Это обстоятельство резко тормозит социальную мобильность, негативно сказывается на степени участия граждан в экономике и политической жизни общества, образовании, культуре, реализации творческих способностей нации. Не будем в данном случае акцентировать внимание на разнице в доходах между городом и селом, на положении индейского насе-

ления. Общих показателей вполне достаточно, чтобы понять, что неравенство неизбежно ведет к конфликтности, и снизить ее накал можно только путем проведения глубоких социально-экономических реформ, гуманитарной политики, продуманных патерналистских программ.

ТРИ ПРИНЦИПА АНАЛИЗА

Оценка любого конфликта почти всегда неоднозначна. Устойчивых принципов классификации нет: все подвижно и противоречиво. Абсолютные и категорические ценности в данном случае могут только запутать дело и привести к ошибке. Возьмем, к примеру, самые высокие моральные критерии добра и зла, которыми обычно оперирует религия. Чаше всего эти надчеловеческие категории не встречаются в чистом виде, а в конфликте мудро сожительствовают друг с другом. Так, насилие над человеком, а тем более убийство, есть несомненное зло, высший грех. Но с другой стороны, убийство врага на войне считается примером доблести и героизма.

Я руководствуюсь *моральным* критерием, категорически обвиняющим одну сторону и оправдывающим другую. Иной подход присущ политической логике. Она строится не на нравственности или чувствах, а на принципе прагматического целеполагания и эффективности того или иного действия. Важно выполнить поставленную задачу и только. Разумеется, лучше не допускать *аморализма*, но для победы приходится прибегать к любым методам, ведь цель оправдывает средства. И опять добро и зло оказываются в «одной упряжке». Мы же находимся в затруднении, не зная, как совместить одно с другим.

Чтобы определиться в сложном пространстве *realpolitik*, следует, по-видимому, нарушить традицию и условно признать наличие *нейтральной* полосы: мораль и аморальность не разделены «китайской стеной», а прочно связаны. Эту зону я условно назову «сферой имморальности» (не путать с аморальностью). Уверен, что многие обрушатся на меня с гневной критикой, обвиняя в уступке аморализму. Действительно, признать институциональность имморализма трудно. Но что же делать? А ничего, просто продолжать метаться между двумя полюсами — между добром и злом. Я же ввожу в пространство «третью сосну», и пусть каждый ищет спасительную тропу в густом политическом лесу.

Макиавелли отмечал: «Умы бывают трех видов: один все постигает сам; другой может понять то, что постиг первый; третий сам ничего не постигает и постигнутого другим понять не может»⁵. Отсюда следует вывод: в каждой ситуации лучше всего думать самостоятельно, не впадая ни в лицемерное морализаторство, ни в анархию аморализма. Общественные отношения пропитаны не только любовью и взаимопомощью, но и враждой и агрессивностью, порождающими острые конфликты. Только в нормальных условиях люди стремятся жить в мире и солидарности, идут на компромиссы и готовы прощать друг друга.

Поэтому никак нельзя согласиться с мнением основоположников марксистской политологии о том, что «всякое благо для одних необходимо является злом для других, всякое новое освобождение одного класса — новым угнетением для другого»⁶.

Было бы неверно исходить из абсолютизации полной автономии сфер добра и зла в реальной жизни. Основное пространство социума представляет собой имморальную зону. Это не промежуточная, а *главная* сущность политического бытия. Она не подчиняется никаким категорическим императивам. И в этом ее практическое преимущество.

Социальные конфликты несут в себе сразу оба начала: добро и зло, позитив и негатив. А если так, то нельзя руководствоваться в оценках только моральными категориями. Опасно отказываться от них, но и в рабство к ним попадать не стоит.

Я начал свои размышления с признания определенной полезности конфликта и вечного существования разного рода противоречий, которыми наполнена человеческая жизнь. Возникает множество непростых вопросов. Обречено ли человечество на вечные страдания и борьбу, на болезненные диспропорции в уровне жизни? Почему люди вынуждены приспосабливаться к несправедливому устройству общества? Неужели никак нельзя преодолеть внутривидовую борьбу за существование? Можно ли надеяться на то, что совместными усилиями нам каким-то образом удастся гармонизировать наше земное и, увы, временное пребывание в этом мире?

Большинство конфликтов в истории человечества имели социальный характер и были связаны со стремлением к справедливому перераспределению благ. Всегда, за исключением, возможно, самых ранних стадий развития человеческого общества, существовали богатые и бедные, и, как говорил мудрый Платон, мифическая нищенка Пеня извечно сопровождает бога богатства Пороса⁷. Проходят века, а разрыв между имущими и неимущими не только не уменьшается, но даже растет. В «Декларации тысячелетия ООН», принятой в 2000 г., отмечались небывалые масштабы социальной и имущественной дифференциации. В качестве первоочередной задачи объявлялось преодоление нищеты и повышение уровня жизни в самых отсталых странах⁸.

При этом стремление к выравниванию уровня благосостояния является, судя по всему, своего рода архетипом, скрытом в подсознании человечества. С эпохи архаики, о которой мы можем судить только по научным реконструкциям, и на протяжении веков во всех культурных и религиозных традициях прослеживается идея о том, что чрезмерный разрыв в уровне жизни — великое зло. Стремление к эгалитаризму — наследие архаики — сохранялось, приобретая новые формы и теоретические обоснования, соответствовавшие месту и духу времени. Оно воплощалось в возникавших то тут, то там общинах «равных», будь то пифагорейский союз, тайные даосские поселения, раннехристианские общины, не говоря уже о коммунистическом «фрае».

Помощь неимущим, благотворительность, альтруизм всегда и везде считались добродетелями. Даже признавая социальную иерархию, а с ней и имущественное неравенство благом, как, например, у Конфуция, речь традиционно шла об идеале солидарной гармонии, при которой богатые и бедные не конфликтуют друг с другом, а каждый по-своему помогает другому. В раннем христианском богословии эту мысль хорошо выразил Св.Климент Александрийский, который говорил, что хотя имущественное неравенство и зло, но богатый может материально помочь бедному, а бед-

ный своими молитвами о благодетеле даст ему возможность попасть не в ад, уготованный жадным, а в рай.

Преодолевая огромное внутреннее сопротивление, я вынужден признать, что потерял былую надежду на созидание «коммунистического рая». Не приобрел я и веры в высшую справедливость будущей вечной потусторонней жизни после смерти. Положение поистине трагическое.

Современное общество можно охарактеризовать актуальными и ныне словами проницательного Эразма Роттердамского: «Повсеместно увидишь мудрецов, живущих в бедности, в голоде, в грязи и в небрежении, презираемых и ненавистных. К дуракам же плывут деньги, они держат в своих руках кормило государственного правления и вообще всячески процветают»⁹. Так что же делать, если в истории никогда не было и вряд ли будет справедливая цивилизация? Опустить руки и отдаться на волю капризной Фортуны? Нет, конечно, надо брать бразды судьбы в свои руки. Но как это сделать? И кто способен повторить смелость Гамлета и вступить в смертельный бой со злым Роком?

Ответить на этот вопрос я не берусь, поэтому ограничусь пока тем, что процитирую слова Льва Николаевича Толстого: «Жизнь истинная только в настоящем. То, что было, того уже нет, нет и того, что будет, — есть только то, что сейчас. И об этом, чтобы сейчас жить хорошо, только об этом всеми силами души и надо стараться. Если люди учат тому, что в этой жизни надо жить для будущей жизни, не верьте им»¹⁰.

Конфликты есть лишь одна из форм этой жизни. Поэтому будем вместе стремиться к справедливости и добру, к умалению зла и агрессии по отношению к ближнему и тем успокаивать свою душу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: Ф.М.Б у р л а ц к и й. Загадка и урок Никколо Макиавелли. М., 1977, с. 173.

² Understanding Social Conflict in Latin America. UNDP Report. United Nations Development Programme. Buenos Aires, 2013. Подробный анализ бедности и нищеты содержится в коллективном труде «Латинская Америка XX века. Социальная антропология бедности. Отв. Ред.Б.И.К о в а л ь. М., 2006.

³ World Development Indicators. — www.worldbank.org.

⁴ Understanding Social Conflict in Latin America. Op. cit. P. 158.

⁵ Цит. по: Мудрость тысячелетий. Энциклопедия. М., 2000, с. 255.

⁶ К.М а р к с, Ф.Э н г е л ь с. Соч., т. 21, с. 177.

⁷ П л а т о н. Собр. соч. в 4 т., т. 2. М., 1993, с. 13.

⁸ Декларация тысячелетия ООН. — www.un.org/russian/documen/declarat/summitdecl.htm

⁹ Э.Р о т т е р д а м с к и й. Похвала глупости. М., 2000, с. 353.

¹⁰ Л.Н.Т о л с т о й. Об истине, жизни и поведении. М., 1988, с. 175.